

Журнал Пионер

№4 за 1989 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №4 за 1989 год / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44198-8

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года и был посвящён В. И. Ленину. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44198-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лоссальным авторитетом, в партии и государстве не осталось безусловного лидера. Стать им мог человек, доказавший народу, что он и только он является верным соратником, учеником и продолжателем дела Ленина. Это пытались сделать и Троцкий, и Зиновьев, и Бухарин... К сожалению, лучше всего это удалось Сталину. Добился он своей цели во многом благодаря обильному цитированию Ленина.

Собственно, в самом обращении к работам Ленина ничего предосудительного нет. Ленин — творец революции. А она дала как бы правовую и политическую основу существованию нашего государства. Поэтому вполне естественно, что в своем пути вперед мы ищем опору и подтверждение в его мыслях.

Но, цитируя Ленина, публично отзываясь о нем с огромным уважением, Сталин зачастую делал совершенно противоположное ленинским словам. Именно при нем началось то, что мы теперь называем разрывом между словом и делом. Цитата из Ленина требовалась диктатору как щит, прикрывающий его страшные деяния.

За этот щит Сталин стремился никого не допускать. Ученым уже не к чему было собирать факты, толковать их так или иначе, создавать концепции и опровергать их. Достаточно было отыскать подходящее высказывание Ленина, а потом Сталина и строить на этой основе научную теорию или политическую доктрину. Реальная жизнь тут в расчет никоим образом не принималась. На этой порочной практике цитирования у нас выросло не одно поколение ученых. Мы и сейчас не изжили ее из нашей науки. А значит, и из идеологии.

Надо сказать, что желание опереться на чей-то авторитет имеет давние корни. Христианин исстари искал обоснование своих поступков в Библии. Магометанин — в Коране. Но марксизм не религия. Марксизм претендовал и претендует на роль науки, объясняющей развитие человечества. И, как наука, должен отталкиваться не от цитат, а от действительности.

Теперь вернемся к тому, с чего мы начали, — к образу Ленина. Сегодня лично я уже знаю, что его подлинный облик очень далек от того «сахарно-розового», который рисовали мне в детстве. Оказывается, он и сестер, бывало, обижал, и мама далеко не всеми его поступками оставалась довольна... Но это, представьте, нисколько не уменьшило моего уважения к Ленину. Наоборот, он стал мне понятнее и ближе. Потому что Владимир Ильич прежде всего человек. И, как всякому человеку, пусть даже самому великому, ему были свойственны заблуждения, ошибки и... да-да... недостатки.

Наверное, никого из читателей не удивит, что сегодня его самого ругают, а завтра хвалят: дело житейское. Наверное, и вы не раз меняли свое мнение о фильме, книге, человеке... Так почему же вы считаете, что взгляд Ленина на какую-то проблему был затвержден раз и навсегда?

Владимир Ильич прожил бурную жизнь политического деятеля. На его глазах и при его непосредственном участии происходили коренные изменения в политике, в экономике, в человеческом сознании. И вполне естественно, что вместе с этим могли меняться и его собственные взгляды. О многих вещах Ленин времен революции говорил совсем не так, как Ленин времен гражданской войны. А Ленин времен нэпа — совсем не так, как Ленин времен гражданской.

Сталкиваясь с нашей бесхозяйственностью, разгильдяй-

ством, плохим делопроизводством, Владимир Ильич писал: хороший бюрократ — вот что нам нужно. Но в другой работе он называл бюрократизм тем врагом, который может погубить Советское государство. В 18-м году, в период военного коммунизма и продразверстки, он справедливо указывал, что кулак — это наш самый свирепый, самый злой, самый жестокий враг. Но уже во время нэпа считал старательного мужика опорой власти в деревне. Мы можем найти у Ленина самые резкие, самые жесткие слова о Плеханове периода борьбы с ним, но в то же время и полное уважения письмо 1918 года. Такие же противоречивые мнения в работах Владимира Ильича можно отыскать о Троцком, Зиновьеве, Каменеве, Бухарине...

Характерной чертой Ленина было полное отсутствие каких-либо личных мотивов во внутрипартийной работе. Ему было совершенно чуждо чувство мести, даже обиды. Главное для него было — убедить в своей правоте партию, рабочих, а по возможности — и своих оппонентов. И когда удавалось достичь согласия во взглядах, всякая резкость исчезала, сменяясь доброжелательностью, вниманием и дружеской поддержкой.

Те же, кто занимается цитатничеством, по вполне понятным причинам выискивают у Ленина слова и мысли, которыми можно было бы стукнуть, как молотком по голове, своих оппонентов. Используя ленинское высказывание о кулаках-врагах, Сталин уничтожил работающих крестьян. В борьбе за власть ему помогли негативные отзывы о Зиновьеве, Каменеве, Бухарине, хотя, как мы знаем по этим двум вопросам, Ленин говорил и совершенно обратное.

Если идти подобным путем, то и сегодняшний бюрократ может оправдать свое существование тем, что, по словам Ленина, мол, без него никуда... Так что при всем нашем уважении к Владимиру Ильичу давайте не принимать безоговорочно на веру любое высказывание из его сочинений, приведенное сегодня для доказательства чьей-либо правоты. Сначала разберемся, где, когда и при каких обстоятельствах оно было произнесено или написано... Словом, давайте изучать не цитаты, а весь текст.

Но и этого мало. Я уже говорил, что нельзя вырывать человека из того времени, в котором он жил. Ленин, хоть и намного опередил свой век, все-таки остается личностью, сформированной на ценностях, взаимоотношениях и понятиях прошлого столетия. Многое из того, что нас сейчас окружает, он просто не мог предвидеть.

Он, например, считал, будто дни капитализма сочтены. В начале века это казалось действительно неопровержимым. И Ленин не мог предположить, что после войны капитализм обретет «второе дыхание» и обгонит в своем развитии социалистические страны.

На заре нашего века Ленин говорил, что будущим производством можно будет управлять с помощью четырех действий арифметики. Сегодня мы знаем, как это трудно сделать, обладая даже самыми быстродействующими вычислительными машинами.

Не мог он предвидеть и последствия демографического взрыва, и нынешнюю экологическую ситуацию.

Собственно, ничего странного в этом нет. Он был человек, а не небожитель. И не мог знать все наперед.

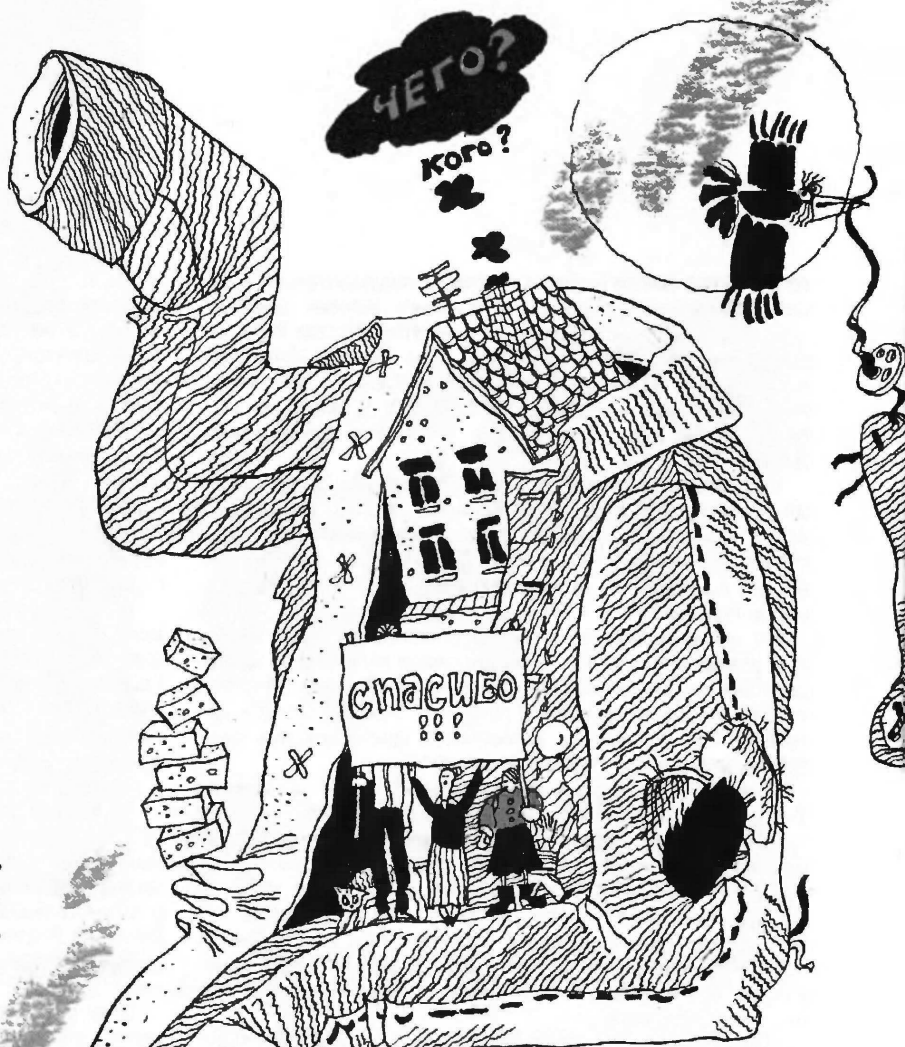
Когда же мы сегодня говорим о возвращении к ленинским нормам, то прежде всего имеем в виду те принципы, которые Ленин хотел видеть в основании нашего государства.

Записал Николай ВИКТОРОВ.

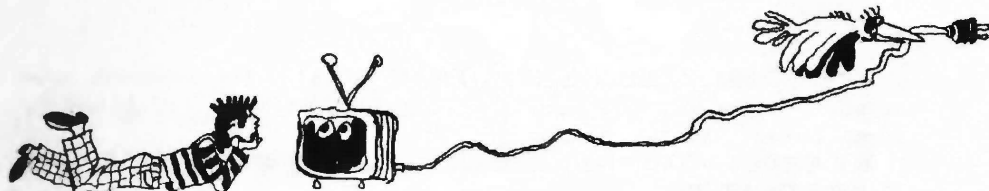
Творительный падеж



Именительный:
Кто? Что?
Кто?
Серёжа.
Что?
Пальто.
Было куплено пальто.
Прочное,
Отличное,
С хлястиком торчком.
И воротничком.
Родительный:
Чего? Кого?
Ответили свидетели:
«Известно, для кого.
Серёжиным родителям,
Родителям-радетелям,
Не жалко ничего».
Дательный:
Кому? Чему?
Все — Серёже,
Все — ему.
Падеж-то этот дательный,
Он очень сострадательный.
Зито падеж винительный
Такой падеж вредительный!
Винит.
Кого?
Винит.
За что?
Винит Серёжу за пальто.



А виноват творительный,
Творительный падеж.
Такой он разорительный,
Творительный падеж!
С утра, лишь двери отворил,
Серёжа целый день творил.
Сперва он с этим падежом
В соседней луже был моржом.
Потом, ну что там говорить,
Он стал из глины дом творить.
Творил, творил
И — сотворил.
Весь двор его благодарил.
Чинил мотор и влез в мазут.
Вдруг видит: кирпичи везут!
Помог машину разгрузить.
Ну что тут можно возразить?
И вот Серёжино пальто
Не похоже ни на что...
Где хлястик, что торчал торчком?
И что стряслось с воротничком?
Эй, творительный!
Кем? Чем?
Пальто испортил ты зачем?
Сто пятен по нему ползут,
На нем и глина, и мазут,
И мел смешался с кирпичом.
Грустит Сергей...
О ком? О чем?
Твой долг, падеж предложный,
Помочь в задаче сложной!



Обо мне, о вредном Джинне, о нарушенном режиме

(РАССКАЗ ПЯТИКЛАССНИКА ПЕТИ ПЕТРОВА)

Все в тетрадке было гладко:
Семь ноль-ноль — подъем,
Зарядка,
Вслед за процедурой водной
Растиранье,
Завтрак плотный.
Восемь — в школу выхожу,
Ранец собранный держу,
Глубоко дышу, гуляю,
Организм свой закаляю.
Восемь тридцать — стены класса,
И занятия до часа.
В два ноль-ноль — обед,
Прогулки
(Молоко куплю и булки),
Нагуляюсь до пяти
И — домой пора идти.
Мой режим составлен мудро:
Три часа — огромный срок,
Чтоб портфель собрать на утро,
Трудный выучить урок.
В восемь вечера кончаю:
Легкий ужин,
чашка чаю
И — работа над собой,
В двадцать два ноль-ноль — отбой...

На прогулку я не вышел
(Звал дружок, да я не слышал).
Брюки шил, доил корову,
Гнал тяжелый самосвал,
Покупал себе обновы,
Хором песни распевал,
После я глазел на моды,
Новости,
прогноз погоды...

Поздно ночью свет потух —
Испустил волшебник дух!

Утром я не умывался,
Книжки кое-как собрал,
С опозданием в класс ворвался,
Но уроке первом спал,
Педагог сказал:
— Петров!
Ты, наверно, нездоров.
Ты не справился с заданием,
В класс явился с опозданием,
Бледный вид и мутный взгляд.
У тебя глаза болят?
Я краснею. Я молчу...
С чем же я приду к врачу?

Дайте, дайте мне таблетки,
Чтоб не выпускать из клетки
Заколдованного Джинна,
Нарушителя режима!

Знаю, скажет врач в ответ:
— Нет! Таких таблеток нет!

В телетрубку, как в бутылку,
Был упрятан кем-то Джинн,
Я воткнул в розетку вилку
И — забыл про свой режим.
Джинн в меня переселился,
На концерт меня унес,
Джинн орал и веселился,
Я смеялся с ним до слез.
Бокс смотрели и балет,
Позабыл я про обед,

НЕТ! ТАКИХ
ТАБЛЕТОК -
НЕТ!

720 . ПОДЪЁМ

710 . ЗАРЯДКА

730 . ЗАВТРАК



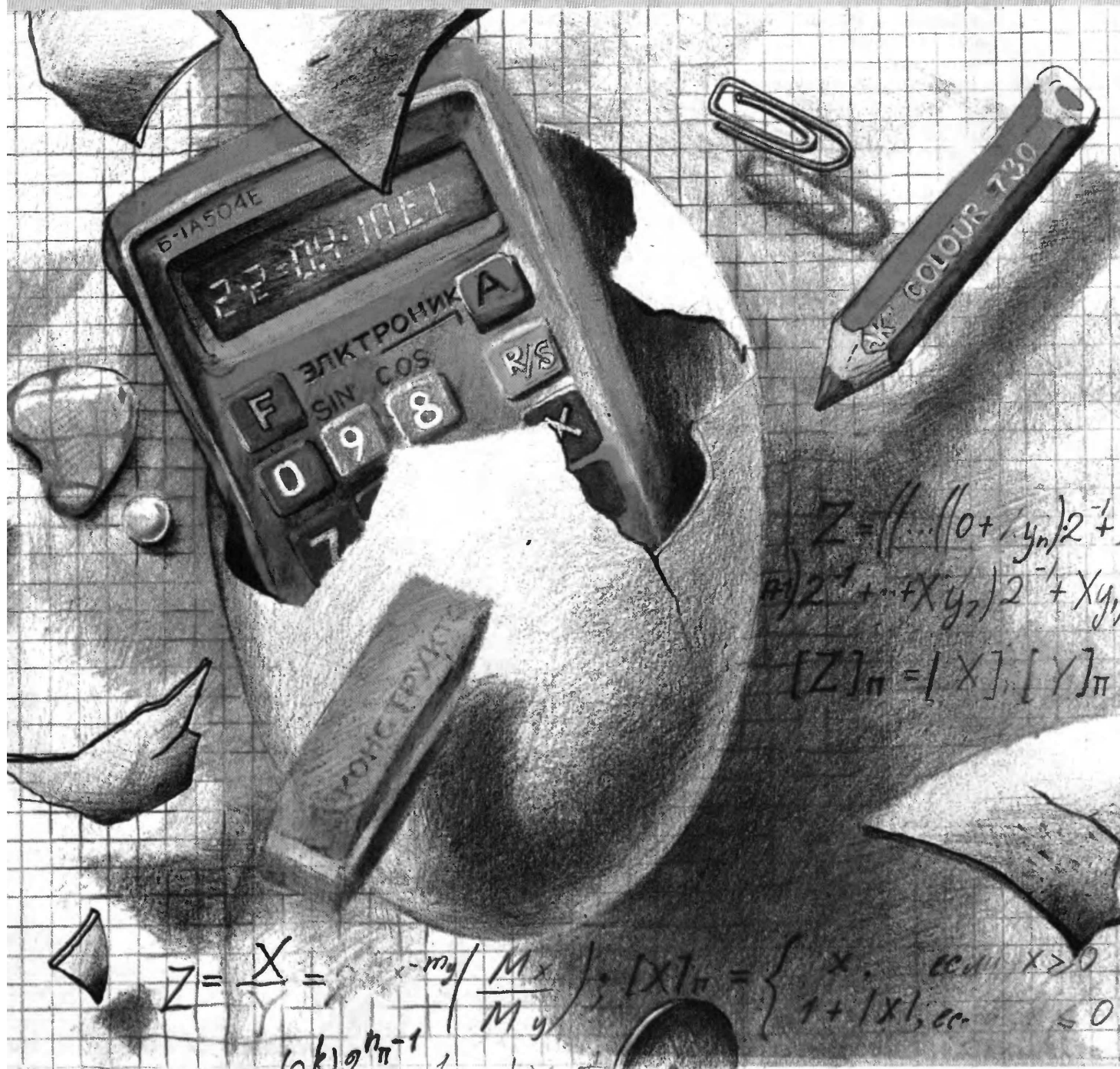
«ТОВАРИЩИ ВЗРОСЛЫЕ, ПОСЛУШАЙТЕ НАС!» Такой призыв прозвучал в № 9 нашего журнала за прошлый год, где были опубликованы ваши письма о школе, ребята.

ТОВАРИЩИ ДЕТИ, ВАС СЛЫШАТ И ВАМ ОТВЕЧАЮТ ЛУЧШИЕ ПЕДАГОГИ СТРАНЫ!

Мы не будем перечислять их должности и степени, вы знаете этих людей по выступлениям на телевидении и в печати, их имена вы не раз слышали от учителей и родителей. А встретились мы с этими педагогами и передали им ваши вопросы на Всесоюзном съезде работников народного образования.

Итак, ваши предложения, вопросы, их ответы.

ТОВАРИЩИ ДЕТИ, ВАС СЛЫШАТ!



«ДАЙТЕ НАМ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБИРАТЬ УЧИТЕЛЕЙ...»

«ОТМЕТКИ УНИЖАЮТ НАС...»



**Михаил
Петрович
ЩЕТИНIN:**

Я за равенство. Если ребенок может выбрать себе учителя, то и учитель может выбрать себе ученика. Но сейчас, в нашей школе, мы не готовы к этому. Вот когда мы, учителя и ученики, будем вместе строить жизнь в школе, тогда такие выборы будут правомочны.

Сегодня мы, взрослые, сделали первый шаг навстречу вам, ребята, заявив, что главная цель школы — развитие личности. А не «знания, умения, навыки», как было раньше. Помните слова председателя Комитета по народному образованию Г. Ягодина: «Школа — для ребенка, учитель — для ребенка, а не наоборот»? Но следующий шаг мы сделаем, когда на Всесоюзном съезде работников народного образования вместе с учителями судьбу школы будут решать и дети, и их родители. То, что сейчас нет на съезде пионеров и комсомольцев, которые готовы к сотрудничеству, которые обеспокоены тем, что происходит в школе, это, я думаю, наследие авторитаризма.

Школа без отметок не только возможна, даже необходима. Бумажная, выраженная баллом, отметка не нужна. Но должна быть оценка личности, ее развития, ее вклада в окружающую жизнь, сердечная оценка — наше совместное, ученика и учителя, осмысление жизни... Такая оценка может быть выражена и песней, которую мы вместе с ребятами споем, и взглядом учителя — осуждающим или подбадривающим, и словом, сказанным с особой интонацией... Но так же и ученик оценивает учителя, его рост.

«ПОРА ПЕРЕПИСАТЬ ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ПО ИСТОРИИ...»

«ЛУЧШЕ БЫ ВМЕСТО УЧЕБНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ МЫ ЧИТАЛИ СТАТЬИ ЛИТЕРАТУРНЫХ КРИТИКОВ, УЧИЛИСЬ СРАВНИВАТЬ И ДУМАТЬ, НО ТОЛЬКО ЧТОБ НАМ НЕ СТАВИЛИ ДВОЙКИ ЗА НЕСОГЛАСИЕ С ДОБРЮБОВЫМ ИЛИ С БЕЛИНСКИМ».



**Юрий
Петрович
АЗАРОВ:**

Сейчас печатается достаточно материалов по истории во всех толстых журналах. Дети тоже могут их читать, самостоятельно или с учителями и родителями. Я знаю, школьники интересуются всем: и Троцким, и Бухариным, и окружением Сталина... Они больше взрослых не приемлют сталинизм, авторитарность, которая, к сожалению, «сидит»

**Съезд
завершился —
работа
продолжается!
Пароль —
доверие.**

в старшем поколении. В «Артеке» я 20 дней вел историко-психологический клуб. У меня занимались ребята с 5-го по 9-й класс. Я попросил их графически изобразить, как они понимают «сталинизм». Вот типичные рисунки: багровые пятна, черные облака, гробы, на которых написано «социализм». Или буква «Я» в огромной луже крови, а внутри этой буквы орудия убийства: петли, кинжалы... Еще рисунок: солнце, лучи и... спрут, обхвативший это солнце.

Когда мы с ребятами обсуждали творчество Лермонтова, они пришли к выводу, что Лермонтов призывает к покорности, но не к смирению, он приемлет мир, чтобы развивать в этом мире все самое лучшее.

Я согласен, что дети должны читать статьи литературных критиков. А ставить ученику плохую оценку за то, что он думает не так, как учитель, это ужасно. К сожалению, очень часто еще в наших школах талантливые дети за талантливые сочинения получают плохие отметки.

«ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ УЧИТЕЛЬ НЕСПРАВЕДЛИВ, НЕ ВИДИТ В УЧЕНИКЕ ЧЕЛОВЕКА?»



**Шалва
Александрович
АМОНАШВИЛИ:**

Может быть, мои коллеги обидятся, но я прямо скажу: дети должны бунтовать, вот что они должны делать.

Дети не менее мыслящие педагоги, чем, может быть, самые маститые ученые. Я хочу сам обратиться к детям. Я ученый, экспериментатор, раньше был пионервожатым, дети меня любили. Но сейчас мне не нравится пионерское движение, и что сделать, чтобы оно вышло из тупика, я не знаю. Может быть, вы мне подскажете, а?

«НАМ МНОГО БЕССМЫСЛЕННОЙ РАБОТЫ ПРИХОДИТСЯ ДЕЛАТЬ НА УРОКАХ ТРУДА. ЗАЧЕМ?»



**Эдвин
Волдемарович
КИДЕ:**

Это — антивоспитание. Бессмысленный труд развращает. Человек должен видеть, что его труд нужен и что он отвечает хоть за маленький участок работы, но сам. Поэтому я за индивидуальный труд. Не когда коллектив в 30 человек под знаменем идет копать картошку, а там кто подобрал клубень, кто нет — не видно. Я за то, чтобы ребятам давали работу по их возможностям, чтобы допускали к осмысленной работе, чтобы за этот труд платили... Если вы не довольны своими уроками труда, через совет школы обращайтесь к директору, предлагайте конкретно, что вас интересует. Нельзя ждать, что взрослые все изменят в школе, организуйте самоуправление, будьте активнее, а уж мы постараемся не ограничивать вашу активность, как раньше.

«НЕЛЬЗЯ ЛИ СДЕЛАТЬ КЛАССЫ ПО СПОСОБНОСТЯМ? А ТО СИЛЬНЫМ УЧИТЬСЯ НЕИНТЕРЕСНО, ОНИ СТО РАЗ УЖЕ ВСЕ ПОНЯЛИ, А СЛАБЫЕ ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ ДУРАКАМИ».
«ПУСТЬ УЧЕНИКИ САМИ ВЫБИРАЮТ ТЕ ПРЕДМЕТЫ, КОТОРЫЕ СЧИТАЮТ НУЖНЫМИ».



**Виктор
Федорович
ШАТАЛОВ:**

Наш знаменитый педагог Василий Александрович Сухомлинский задал как-то риторический вопрос: «Где легче оглупить ребенка — в классе, где все глупые, или в классе, где есть умные?» Ответ очевиден. Если слабый ученик будет находиться среди таких же, как он, ему некуда будет стремиться, не на кого равняться. А теперь представьте, что в этой же школе есть класс из сильных учеников. Они живут и знают: мы — умные, а вон класс дурачков. Будешь плохо учиться, попадешь в класс дурачков. Можно в таких условиях работать, уважать друг друга, играть вместе? А с какими глазами будут приходить родители в школу, зная, что их дети — как бы второго сорта, учатся в классе для неспособных?

Разделить детей на способных и неспособных — ума не надо и труда не надо. Но мы — не мастера ОТК, которые выбраковывают не-

ОТ РЕДАКЦИИ:

Всесоюзный съезд работников народного образования уже в прошлом, а все изменения, которые ждут школу, в будущем. Если говорить всерьез и честно, пройдет немало времени, прежде чем прекрасные идеи, продуманные, выстраданные и высказанные на съезде учителями, учеными и министрами, станут явью в каждой школе. Об этом предупреждали и наши сегодняшние собеседники. Но ждать, сложив руки, светлого будущего нельзя. На него надо работать уже сейчас, сегодня, и взрослым, и вам, ребята.

Поэтому наш разговор — **ЧТО И КАК, на твой взгляд, НАДО ИЗМЕНИТЬ В ШКОЛЕ?** — продолжается. Ты уже прислал свое предложение? Ждем и рассказ о том, что тебе в школе нравится.

На конверте не забудь поместить: **РЕФОРМА ШКОЛЫ.**

стандартные детали, мы — педагоги. Значит, нам надо найти такие приемы, чтобы бесталанных в классе не осталось.

Три года назад я взял 4-й класс, самый слабый в школе. А сегодня эти дети учатся на сплошные пятерки, все. И идут с опережением программы на год.

Неспособных детей почти нет. Все дети наделены способностями.

Теперь о специализированных классах.

Я сорок лет работаю в школе, но не знаю, где начинается ученик. Один начинается в шестом, другой — в девятом классе. А рассчитывать-то, кому какое дальше получать образование, мы должны будем всех и одновременно. Даже если один ученик из трех ошибется при этом выборе, представляете, сколько это жизненных трагедий?

Если в класс с математическим уклоном отобрать самых сильных учеников, это значит омертвить десятки обычных классов. Раньше там было по две-три «звездочки», учитель на них равнялся, и ребята видели, на какие высоты в математике могут подняться их сверстники. А когда таких ребят в классе нет, понижается математический уровень всех, и те, кто мог бы развиваться в присутствии хороших учеников, уже дальше двинуться не будут.

Но это еще не главная беда. Теперь представьте, что в одном классе собираются отличники из разных школ. И вчерашний отличник рядом с другим, более сильным отличником начинает получать тройки. А он эти тройки не привык получать, и родители его не привыкли. И этот вчерашний отличник, а ныне троечник, из специального класса уходит. А на его место приходят усредненные нахалы. Они ничего не теряют, находясь в специальном классе, а приобретают многое: 18 часов математики и физики в неделю, учителя высокой квалификации... И вот эти усредненные нахалы, не по праву таланта, а по праву механического натаскивания спустя годы оказываются в ведущих вузах страны: в МХТИ, в МИФИ, в МГУ... А спустя еще 10 — 15 лет займут руководящие должности. А это страшно. Потому что эти люди могут принести много бед нашей экономике и технике.

Одна спецшкола на город — это еще ничего. Но ведь захотят сделать больше. А если расширить сеть спецклассов, произойдет та беда, о которой я говорю.

Поэтому моя точка зрения — нужно специализировать учителя, а не классы.

Мнения педагогов записала
М. МАТВЕЕВА.

фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

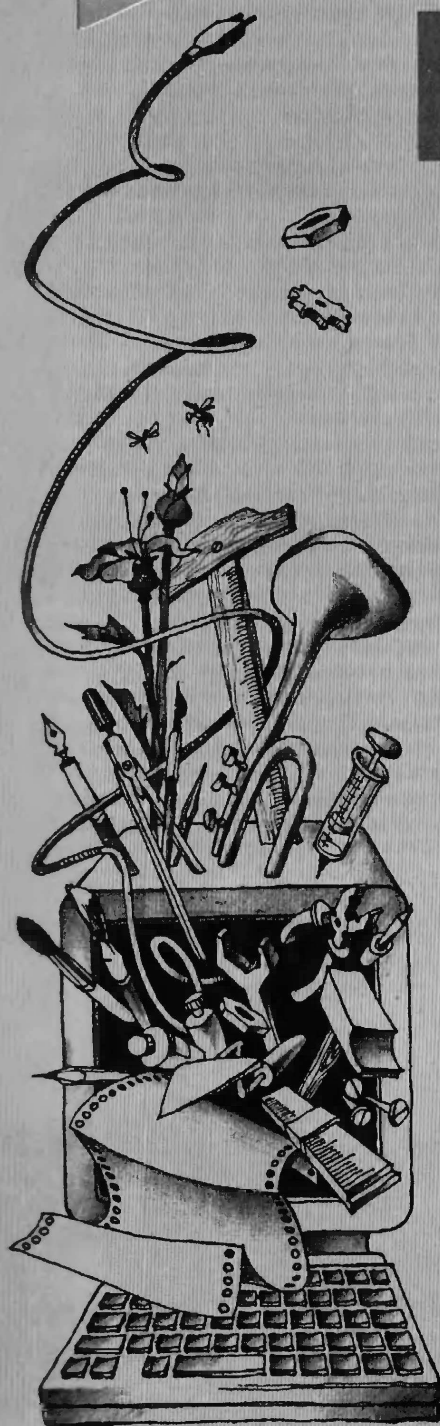
СКОЛЬКО
СТОИТ
ОШИБКА?

Рисунок К. БАТАШЕВОЙ.

Здравствуй, «Пионер»!

Ты, конечно, знаешь, что многое в жизни зависит от того, какую ты выбрал профессию. И выбрать ее очень трудно. Я учусь в шестом классе. Казалось бы, еще детство, можно захотеть и перехотеть десять раз. Вот я, например, хочу стать журналистом. Но абсолютно не знаю, куда можно пойти с этим интересом. В какой кружок, а может быть, и школу. Хорошо, если бы вы рассказали, как можно больше о той или иной профессии, какую помощь она приносит людям. И где можно было бы заниматься с теми или иными интересами до поступления в институт. Я надеюсь на вашу помощь, ведь эта проблема не только моя.

Соколова Наталья, г. Минск.

Говорят, счастье — когда человеку хочется утром идти на работу, а вечером — домой. Такого счастья хочется каждому. Вот только отыскать его самому бывает очень трудно. Уж очень это непросто решить — кем стать, какое дело выбрать на всю жизнь. Хочет, например, человек стать врачом, учиться много лет, а потом оказывается, что врач он никудышный. И не потому, что учился плохо или работать ленится. Просто сделал когда-то неправильный выбор. Скажете, в 12—13 лет об этом рано думать? Ничего подобного!

Как же выбрать «свою» профессию? Лучше всего на этот вопрос нам сможет ответить главный специалист по профориентации Госкомтруда СССР Николай Иванович Вшанов:

— Два года назад мы говорили с ребятами в одном из ленинградских ПТУ и выяснили, что только 42 процента из них сделали правильный выбор. Остальные — запланированные «неудачники».

«Пробы и ошибки» при выборе профессии обходятся государству в 8—11 миллиардов рублей ежегодно. Вот мы и решили помочь всем, кто ищет себя в жизни.

1987 год стал годом рождения государственной службы профориентации. В крупных территориальных центрах есть и компьютеры, и прочая новейшая техника. Они-то и помогают ребятам правильно оценить свои возможности, сопоставить индивидуальные способности с требованиями профессии, к которой проявляется интерес. А ведь человек может применить свои способности в пяти направлениях: человек — человек (педагоги, врачи, юристы), человек — техника (работа с машинами), человек — природа (тут, кажется, понятно), человек — знак (конструкторы, операторы ЭВМ), человек — художественный образ (композиторы, актеры, дизайнеры).

Прийти в Центр профориентации можно и одному, и с другом, и с родителями. Но психолог будет говорить с каждым обязательно один на один, чтобы точно выяснить, как интересы сочетаются с твоим характером, с физиологическими особенностями твоего организма. И разговор мы начинаем с глаголов: «Хочу» (интересы и склонности человека), «Могу» (способности, характер, темперамент), «Надо» (потребность общества в кадрах).

А потом ребята работают с компьютером, отвечают на 174 вопроса карты интересов: «нравится ли вам», «любите ли вы», «хотели бы вы заниматься той или иной деятельностью». Компьютер ответит, определит приемлемые и неприемлемые для вас сферы деятельности, причем иногда мы можем определить их точно, а нередко предлагаем ребятам встретиться еще раз, через год-два, когда они сами точнее решат, что им больше по душе.

Короче говоря, мы приглашаем всех ребят побывать в наших центрах. Они открыты сейчас в 40 городах страны: Горький, Комсомольск-на-Амуре, Казань, Ленинград, Новосибирск, Москва, Красноярск, Пермь, Свердловск, Ульяновск, Электросталь, Ярославль, Ипатово Ставропольского края, Алтайский краевой, Киев, Днепропетровск, Львов, Минск, Гродно, Новополоцк Витебской области, Ташкент, Самарканд, Учкуприк Ферганской области, Алма-Ата, Толгар, Тбилиси, Баку, Вильнюс, Кишинев, Кугул, Рига, Фрунзе, Душанбе, Ереван, Ашхабад, Таллинн.

А к концу 1989 года такие центры будут открыты еще в 16 городах. Зная город, постарайтесь узнать точный адрес сами, через горком комсомола. И обязательно побывайте там. Ведь для человека, не знающего, к какой пристани плыть, ни один ветер не будет попутным.

По «Узлу связи» дежурила Г. КРИВОУС.

Несколько эпизодов истории, или

Эта книга — воспоминание. О прошлом, о детстве, о друзьях. И так как журнал «Пионер» печатает лишь малую часть, всего несколько эпизодов из книги, мы хотим немного рассказать о времени, месте действия и ее героях.

Время действия, время воспоминаний — тридцатые годы.

Место действия — Москва, а центр воспоминаний — дом на Берсеневской набережной, у Большого Каменного моста.

Что это за дом — необходимо объяснить подробнее.

Дом начали строить в 1928 году на месте бывшего Замоскворецкого Болота. Таких огромных построек в Замоскворечье раньше не было, но эта вообще стала новшеством. Знаменитый архитектор задумал построить социалистический дом-город. И вот над Москвой-рекой постепенно поднимался огромный — в три двора, с кинотеатром, театром, магазинами, клубом — дом. В квартирах предусмотрели все удобства: даже дымоходы с крышечками на цепочках для самоваров. В комнатах к моменту въезда жильцов уже стояла мебель, всюду совершенно одинаковая, с номерками на боках, но слишком роскошная. Но хозяева дома к роскоши не стремились — были у них дела поважнее.

Дом официально именовался домом Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР, а чаще всего называли его Домом Советов.

И жили здесь — Николай Ильич Подвойский, Елена Дмитриевна Стасова, Михаил Николаевич Тухачевский, Ян Карлович Берзин и еще, и еще люди, которые делали революцию, а потом стояли во главе строительства нового социалистического общества.

А кроме этих, больших, людей, жили в доме их дети...

В детском рукописном журнале, который «издавался» на Берсеневке несколько лет, жизнь там описывалась следующим образом:

Каменный ящик, правительства дом,

В каменном ящике все мы живем.

Вы думаете — мы правительство?

Мы просто находимся под его покровительством.

Наши родители: наркомы, заместители —

Мечутся с портфелями целыми неделями,
На нас внимания не обращают,
Где-то все время заседают.
Но мы время весело проводим,
Ничего плохого в нашей жизни не находим...

В эту веселую жизнь, правда, с некоторых пор начал вползать страх: людей, которых еще недавно называли гордостью страны, объявляли «врагами народа» и они исчезали бесследно. Кто-то из ребят исчез вместе с родителями, кого-то выселили из дома, превращавшегося постепенно в надгробие своим жильцам, кого-то забрали к себе в семьи соседи. Впрочем, тогда эти трагические события, которые до сих пор «отзываются» в нашей жизни, старались не обсуждать: взрослые, может быть, из чувства самосохранения, а дети — инстинктивно, отторгая от себя ужас.

Зато обсуждались иные события: пуск новых заводов и фабрик, подвиг челюскинцев, покорение Арктики, война в Испании, победы над японскими милитаристами на озере Хасан и реке Халхин-Гол. Время было героическое, победное. И хотя все предвидели, что Советскую страну ожидает еще битва с германским фашизмом, будущая эта война представлялась только наступательной и очень короткой.

5 июня 1941 года, когда все были убеждены, что до войны год-два, мальчик, живший в доме на Берсеневской и только что окончивший девятый класс, записал в своем дневнике: «...Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я твердо уверен, что это только видимость. Тем самым она думает усыпить нашу бдительность, чтобы в подходящий момент всадить нам отравленный нож в спину. Рассуждая о том, что, расставив свои войска вблизи наших границ, Германия не станет долго ждать, я приобрел уверенность, что лето этого года у нас в стране будет беспокойным. Я думаю, что война начнется или во второй половине июня или в начале июля, но не позже, ибо Германия будет стремиться окончить войну до морозов...» Далее шло описание хода будущей войны. И описание это было таким, словно

Фотография А. ЗАДЬЯНА.



РЕБЯТА ИЗ ДОМА НА НАБЕРЕЖНОЙ

мальчик делал конспект нашего сегодняшнего учебника истории.

Звали мальчика Лев Федотов.

Он и есть самый главный, хотя и не единственный герой книги.

Сохранились четыре тетради, в которых Лева вел свой дневник. Четыре тетради из пятнадцати. Общие тетради, на задней обложке которых напечатано: «Перепродажа по цене выше государственной карается по закону». Эти тетради были тем, что мы сейчас называем «дефицит». И вот в этих тетрадях с двенадцати лет год за годом, день за днем Лева Федотов вел свои записи (некоторые из них вы прочтете — в этой книге Лева словно третий автор). В общем-то дневники — совсем не редкость, особенно дневники, которые ведут в двенадцать — пятнадцать лет: дневник как бы помогает человеку вырастать. Но такой, как у Левы Федотова, встречается очень редко. И дело даже не в том, что этот дневник очень подробен (Лева считал, что записывать надо все, потому что все — история). И не в том, что написан он «литературно». Дело совсем в другом. Когда мы читаем этот дневник, особенно дополненный рассказами Левиных друзей и одноклассников, перед нами возникает невероятная, удивительная личность. Недаром же один из его друзей, теперь уже умерший писатель Юрий Трифонов, прозвал Леву в детстве Гумбольдтом, а также «Леонардо из седьмого «А»». Если вы заглянете в энциклопедию, то обнаружите, что и Гумбольдт, и Леонардо да Винчи отличались не просто гениальностью (один в области естественных наук, другой в области искусства). Они были гениальны разносторонне и умели реализовать себя «во всех направлениях». Так и Лева. По словам того же Юрия Трифонова, он был «...биолог, археолог, географ, океанограф, художник, музыкант и лишь в последнюю очередь романист». А еще он был человек, увлекающий своей энергией окружающих людей. И писатель Юрий Трифонов, и писатель Михаил Коршунов, и доктор экономических наук Олег Сальковский — все они выбрали свою судьбу именно под влиянием Левы. Точнее, памяти о Леве.

Четверка друзей появлялась почти в каждой книге

Трифонова (хотя и под разными именами), Леву часто вспоминал Михаил Коршунов, но чаще всего одноклассники просто рассказывали о погибшем друге. Эти рассказы слушали многие люди, и, конечно, большинство увлекало Левино «военное предсказание». А когда появился документальный фильм «Соло трубы» и вслед за ним очерк в «Комсомольской правде», как бы «расшифровывающий» недосказанное в фильме, совет школьных друзей решил: необходимо как можно подробнее рассказать о Леве Федотове, о времени, в которое прошло детство. И поручено было сделать это Михаилу Павловичу Коршунову и учившейся когда-то в параллельном классе, а потом ставшей его женой Виктории Романовне Тереховой.

Эта книга — воспоминание. Но еще эта книга — поиск, открытие.

Дети чаще всего не задумываются, что за взрослые вокруг них, какова история места, где они живут. Дети существуют только в настоящем и будущем (если задумываются о своей судьбе). Точно так жили и ребята из дома на Берсенеvской. И вот теперь, уже взрослыми людьми, они заново открывают свое детство и историю нашей страны.

И оказывается, что отец Левы Федотова, Федор Каллистратович Федотов, погибший, когда сыну было 10 лет, — один из организаторов Коммунистической партии США, человек, жизнь которого была полна самых невероятных приключений, талантливый литератор.

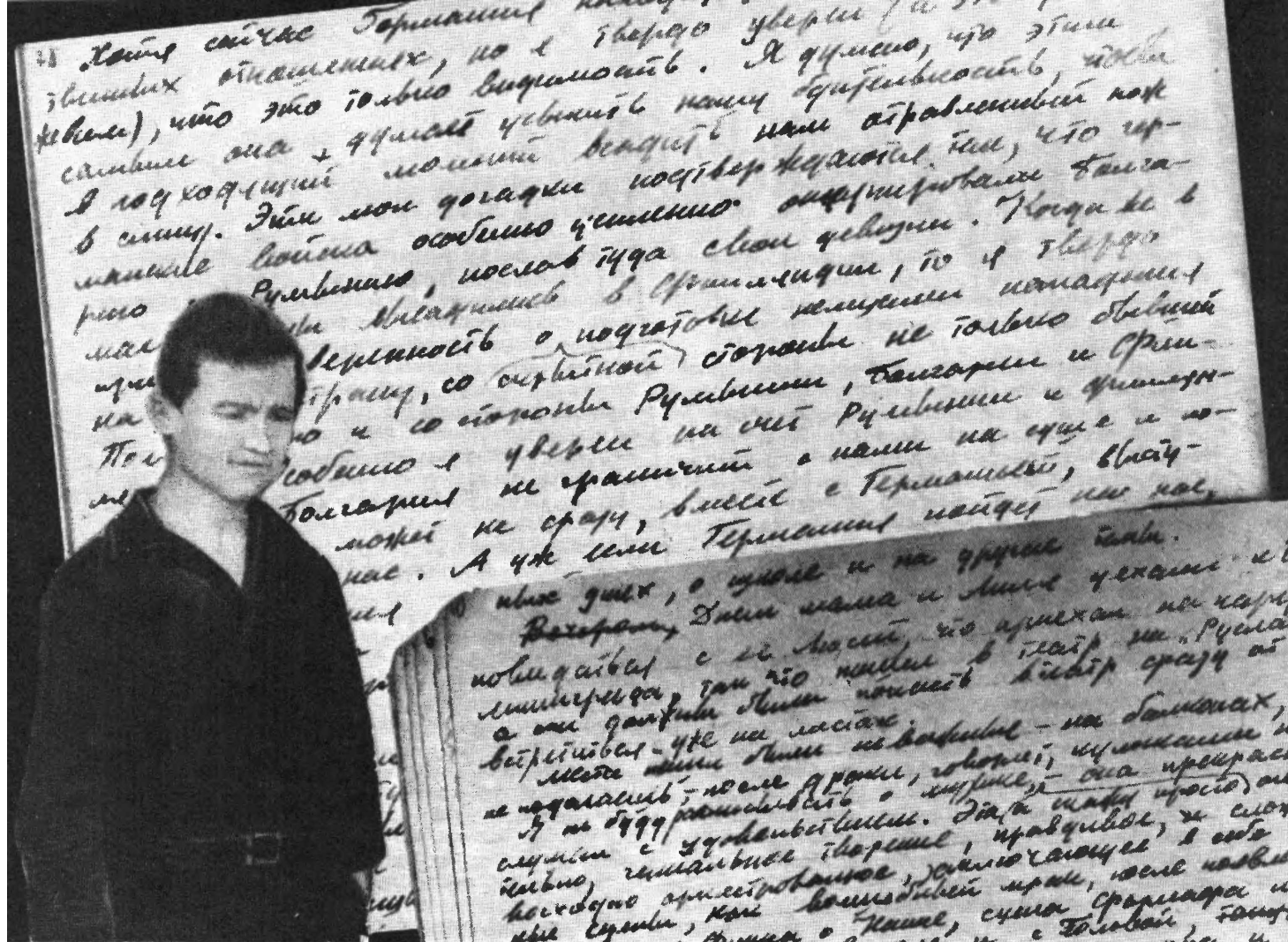
И оказывается, что у старого здания школы на Софийской набережной удивительная биография.

И оказывается, что жизнь ребят из дома на Берсенеvской, тесно переплетенная с жизнью всей нашей страны, — это частица истории во всем ее многообразии, истории трагической и победной...

Свою книгу Михаил Павлович Коршунов и Виктория Романовна Терехова назвали очень просто — «Общие тетради». Означает это — тетради, принадлежащие всем нам, ныне живущим людям. Они и в самом деле принадлежат всем нам, как любое другое наследие культуры. И еще они очень пугливы всем нам. Чтобы мы становились лучше.

Елена СЕЛЕЗНЕВА





ОБЩИЕ ТЕТРАДИ

Михаил КОРШУНОВ
при участии
Виктории ТЕРЕХОВОЙ
ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

...Я хожу по Москве всеми нашими с Левкой маршрутами. Большой Каменный мост (у Каменного моста впервые в стране передвинули каменный дом. И в этом, передвинутом на новое место пятиэтажном доме жил Витаська Бойко). Конечно, Волхонка с Акрополем. Конечно, одна из первых станций метро «Библиотека имени Ленина» (вот уж бегали смотреть, как ее строили — под земелье ведь!), Воздвиженка (проспект Калинина), улица Горького, по которой когда-то ходил двухэтажный троллейбус (проехать на втором этаже — удовольствие!). На улице Горького с ликующей толпой встречали вернувшихся из Америки, после перелета через Северный полюс, Чкалова, Байдукова и Белякова. Левка тогда едва не потерял кепку. Чкалов потом часто приезжал к нам на Берсеневку в гости к летчику Михаилу Водопьянову, и мы видели подаренную ему в Америке автомашину, на дверце которой было выбито «Схкалов». Улица Герцена, потому что там Зоологический музей МГУ, где Левка часто пропадал долгими часами, и консерватория, которую он тоже не оставлял без внимания. Последний раз мы с Левкой прошли по улице Герцена уже во время войны в сапожную мастерскую на углу улицы Семаш-

ко. В мастерскую я сдал в ремонт свои ботинки. То оказалась наша с Левкой последняя прогулка... Было раннее утро. Дворники подметали город, очищали его от осколков зенитных снарядов и остатков зажигательных бомб, как уже от привычного мусора. А мы шли за обычными башмаками.

Зоопарк. Левка любил зоопарк: «Иду навестить бегемотиху и ужасно унылого верблюда». Большая Полянка. Крымский мост. Подвесной. Новинка! Ходили считать заклепки. Тоже — развлечение. Был новинкой и канал Москва — Волга и именно в том месте, где под каналом проходило Волоколамское шоссе, и получалось, что над шоссе медленно, торжественно шествовали пароходы. Тоже — развлечение! И еще маршрут — на Ленинградский вокзал, путь в Литторин — Ленинград.

Я ищу присутствие друга: в толпе вдруг мелькнет невзначай его синяя рубашка, густота пшеничных волос, крепко сжатый в руке и пущенный немного вперед большой старый рыжий портфель с чернильными отметинами.

Ищу, ищу присутствие друга. Ищу его на улицах Москвы и в памяти в мельчайших деталях.